

1934

„ТЕАТР ЕДИНОЙ ВОЛИ“

В Москве находится уже около года молодой норвежский писатель Нордал Григ, родственник известного композитора Грига, приславший в Советский союз для изучения советского театра. Нордал Григ — автор многих произведений. Одно из них — «Корабль идет дальше» — переведено на русский язык (в издании ГИЗ'а в 1929 г.).

Сборник лирических стихотворений Нордала Грига «Норвегия — в наших сердцах», вышедший в 1933 г., пользуется успехом и известностью.

Нордал Григ — автор нескольких пьес: последние его пьесы — «Атлантический океан» — намечена в постановке в Москве, в Новом театре.

НИКОГДА еще мир не знал театра единой воли, единой целеустремленности, создающего положительную ценность новой жизни.

Эта гигантская устремленность, эта единая воля, объединяющая вся и все, — вот основное и глубочайшее впечатление от Советского союза.

С ним стали ставиваться с утра, начиная свой день газетой: жизнь, рост, строительство — очевидны и решающи.

В больших газетах Европы решающей является сенсация, высшая форма которой — смерть. Убийство,

катастрофы, разрушения скопляются во всех пяти частях света.

Громадная задача служить массам, вести их к более глубокой и насыщенной содержанию жизни есть дыхание советского театра. Этот театр — единственен. Ему отведено особое место в мире, потому победы и поражения его звучат далеко за пределами СССР.

Но не приведет ли общность установок к некоторому однообразию на театре, к театральной униформе? Ответ дается casual'ный вечер во всех московских театрах: нигде в мире нет такого богатства театров самой различной чуждостью и людей такой высокой индивидуальности.

Мне хочется сказать несколько слов о своем восхищении Мейерхольдом. Его творческий темперамент, динамичность и страстность можно сравнить с резким великолепием и строгой расчётливостью прыжка тигра. Он правдив и решителен. Философия его сатиры беспощадна, над ней задумываешься. Где ушли лишь реальный диалог с Гете, заканчивающий сразу шпильку во «Возмущении»?!

Тем сильнее разочарование «Дамой с дьяволиком». Жаль, что за идеальным достоинством Дюма остались нераскрытыми социальные возможности даже такой слабой пьесы. С каким восхищением этот крутой мастер показывает романтику позолоченной проституции.

Два слова об одном из наиболее прекрасных театров, держащем свой путь между МХАТом и театром Мейерхольда, — о театре Вахтангова. «Интервенция» — одно из больших достижений театра. Переизложение судеб, эпизодов, меняющий-

ся сценический колорит, а вместе — целостный, собранный, крепкий, как броненосец в движении, спектакль.

В «Бюро Булыченко» забываем финал последнего акта. От предсмертных криков отца дочь спешит к окну приветствовать идущую революцию. Эти несколько секунд звучат гениальной поэмой о страданиях и торжестве парсея революции.

Несколько в стороне от остальных театров по-моему стоит «Намерный» Таирова. Впервые и был на гастролях этого театра в Париже. Как странно было видеть там искусство республиканских рабочих и крестьян. Искусство, превращающее кружки жизни в совершенные формы нереального... Но верность Таирова своему основному принципу — холодности и четкости — композиционного рисунка — дает в его театре большое интеллектуальное наслаждение.

Театр, за которым я слежу с большим интересом, — это театр Красной Пресни, руководимый Охлопковым. В своем тесном театре он делает большую и прекрасную работу.

Немوتря на разнообразие московских театров, их всех объединяет и определяет «генеральная линия» связанности с жизнью, ее бурным строительством, ее здоровьем и оптимизмом.

Я вспоминаю осень прошлого года в Мурманске. Город строился между снежными горами и океаном. Два больших здания подымались в лихорадочном темпе. Одно было Электротрас, другое — театр. Узоры молотков перекликались. Так строится новая жизнь.

Нордал ГРИГ